

**Федоров-Давыдов Александр
Александрович**

**Кот-Баюн: Сказки и
рассказы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Александрович Ф.**
Кот-Баюн: Сказки и рассказы / Федоров-Давыдов Александр Александрович –
М.: Книга по Требованию, 2026. – 90 с.

ISBN 978-5-519-78827-4

ISBN 978-5-519-78827-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Когда лежишь въ кровати ты,
И полночь бьетъ глухая,
Подъ кровомъ мрачной темноты,
Крадусь, мышей подстерегая...
Куръ-муръ, куръ-муръ мяу, мяу, куръ-муръ.
Въ тиши ночной такъ любо мнѣ
Сидѣть, мечтая въ ожиданьи.
И бормочу я въ тишинѣ
Давно забытыя сказанья...
Куръ-муръ, куръ-муръ мяу, мяу, куръ-муръ.
Славное было время!...

Пусть бабушка работаетъ.

Жила была старушка— старая-разстарая, со своею внучкою—круглой сиротой, да въ такой бѣдности, что жалко было смотрѣть на нихъ. Дѣвочка была маленькая, работы себѣ нигдѣ не могла достать; вотъ и приходилось ей побираться по добрымъ людямъ, и этимъ кормиться. И сжалился, наконецъ, надъ ними ихъ дальній родственникъ, лавочникъ, котораго вообще ничѣмъ нельзя было разжалобить. Онъ отвелъ своимъ бѣднымъ родственникамъ уголь и кормилъ ихъ обѣдками отъ своего обѣда и ужина, и на томъ спасибо!

Да и это ему было жаль отдавать даромъ, и онъ непремѣнно требовалъ, чтобы и дѣвочка, и старуха что-нибудь да работали на него.

— Онѣ непремѣнно должны работать, — говорилъ онъ, — даромъ человѣку ничего не дается.

Онъ хотя самъ былъ лѣнтяй порядочный, но любилъ-таки укорять въ этомъ другихъ.

Дѣвочка еще могла кое-что работать, хотя ей было всего только шесть лѣтъ; но бабушкѣ минуло восемьдесятъ лѣтъ, она была слѣпа, глуха, и до того слаба, что по цѣлымъ днямъ лежала на печкѣ. О работѣ ей и думать-то нечего было.

— Вотъ пустяки!—говорилъ лавочникъ,—пусть вяжетъ чулки, подрубаетъ платки, штопаетъ бѣлье!.. Мало-ли можно сыскать работы!.. Иначе я выгоню ее на улицу.

Но бабушкѣ даже сказать этого нельзя было, она едва слышала и съ трудомъ вспоминала старое прошлое...

Напрасно дѣвочка просила лавочника оставить въ покоѣ бабушку, обѣщая работать за двоихъ,—лавочникъ стоялъ-таки на своемъ:

— И она должна работать наравнѣ со всѣми! Да! И ты должна, сама собой, нечего баклуши бить! Да!

А чтобы не было какого-нибудь обмана, онъ велѣлъ показывать ему то, что бабушка сработаетъ.

Что тутъ дѣлать? Вотъ было положеніе!

А дѣвочка, между тѣмъ, работала съ утра и до вечера; она мыла посуду, помогала кухаркѣ, полола на огородѣ сорную траву, а то—нянчила дѣтей.

— Все это прекрасно!—волновался лавочникъ,—но что дѣлаетъ бабушка?..

И вотъ наконецъ оказалось, что и бабушка принялась за работу.

Въ два дня она отлично связала пару чулокъ, потомъ искусно заштопала бѣлье, затѣмъ довольно таки сносно подрубила платки.

— Вотъ видишь!—торжествовалъ лавочникъ, обращаясь къ женѣ,—я говорилъ тебѣ, что старуха просто лѣнива... Видишь, оно такъ и есть...

И бабушка продолжала работать, и, повидимому, работа не вліяла нисколько на нее, только внучка хирѣла да блѣднѣла день ото дня.

Но разъ хозяйкѣ ночью что-то не спалось. Она встала съ постели и вдругъ замѣтила, что черезъ скважину двери, ведущей, въ бабушкину комнату, мигаетъ по полу тонкая полоска свѣта. У бабушки горѣлъ огонь. Чтобы это могло значить? Какая странность!

Она припала къ замочной скважинѣ и увидѣла къ своему глубокому смущенію, *кто* работалъ по ночамъ за бабушку...

Съ той поры уже никто не заставлялъ слѣзную бабушку работать наравнѣ со всѣми, да и хорошо едѣлали!..

Курр-мурр... курр-мурр... курр-мурр...

Старый филинъ.

На опушкѣ большого лѣса росъ столѣтній, развѣсистый дубъ съ глубокимъ дупломъ, въ которомъ доживалъ свой вѣкъ старый Филинъ. То былъ угрюмый, необщительный ворчунъ, который любилъ одиночество, тишину и спокойствіе. Поэтому онъ строго-на-строго запретилъ всѣмъ птицамъ вообще безъ исключенія не только вить гнѣздъ на его дубѣ или на окружающихъ деревьяхъ, но даже пролетать мимо, а зайцамъ — косымъ пострѣлятамъ нельзя было бѣгать вблизи дуба, потому что птичье пѣніе и, вообще, всякій шумъ невыносимо беспокоили стараго Филина.

Спорить съ Филиномъ было невозможно, онъ былъ такъ страшенъ и силенъ, что ему ничего не стоило разорвать на клочки ослушника.

Тихо было на опушкѣ лѣса вокругъ стараго

дуба, тихо, какъ зимой. Только одинъ вѣтеръ перелетный не боялся стараго Филина и налеталъ на дубъ то порывистый, то ласковый и перешептывался съ каждымъ листочкомъ, съ каждой былинкой.

— Отлично! — ворчалъ Филинъ, — когда я не слышу ни пisku, ни щебетанья, ни шуму, я чувствую себя совершенно спокойно! Типъ да гладь, — что за благодать!..

Себя жалѣй, — никто не смѣй
И сунуть носъ сюда...
Никто не смѣй среди вѣтвей
Вить гнѣздъ, не то бѣда!..
Кувыкъ! — возню, что свѣтъ дневной,
Терпѣть я не могу,
Люблю въ трущобѣ я лѣсной
Безшумно плыть въ тиши ночной
Кувыкъ, --угу! Угу!..

Такъ шелъ годъ за годомъ, а Филинъ все жилъ одиноко, сторонясь общества. И его всѣ сторонились и знать не хотѣли.

Но разъ весною глупенькая, крохотная Синичка, летая по лѣсу и отыскивая себѣ удобное мѣсто для жилья, облюбовала старый дубъ и рѣшила свить себѣ гнѣздо гдѣ-нибудь въ гущинѣ листьевъ на вѣтви.

— Что ты дѣлаешь? — въ ужасѣ зачирикали другія птички, видя, что они съ мужемъ не шутя принялись за работу: — вѣдь, старичище Филинъ

убьетъ тебя! Что съ него возьмешь со стараго!.. Ахъ, народъ отчаянный!..

— Да развѣ мало ему мѣста на всемъ дубу? Неужели я его могу стѣснить! — удивлялась Синичка.

— Это ужъ, милая, не наше дѣло разсуждать, такъ приказано „старшимъ“ и шабашъ, дѣлу конецъ!

Но Синички не послушались и продолжали свою работу.

Филинъ въ это время прихварывалъ что-то и нѣсколько дней не выглядывалъ изъ дупла, такъ что Синички безъ помѣхи успѣли свить гнѣздышко, и мать-Синичка нанесла яичекъ.

Однажды вечеромъ старый Филинъ вышелъ изъ дупла съ дозоромъ, осмотрѣть свои владѣнія, — видитъ, что за диковина? — На вѣткѣ, недалеко отъ его дупла, — гнѣздо, а въ гнѣздѣ преспокойно сидитъ крохотная птичка, и довѣрчиво на него поглядываетъ, и горюшка ей мало!

Онъ ужасно разгнѣвался и грозно зашипѣлъ, щелкая клювомъ:

— Это что значить? Прочь, прочь, — сейчасъ же прочь отсюда!.. Какъ ты смѣлилась, дерзкая птичка, вить гнѣздо на моемъ дубѣ. Улетай сейчасъ же прочь, слышишь?...

— Прости, старичокъ, мою смѣлость, — робко отвѣтила Синичка, — но куда мнѣ дѣваться? Я уже нанесла яичекъ!...

— Какое мнѣ дѣло до того!.. Ну, выбрось ихъ на землю!.. А сама сейчасъ же убирайся отсюда... Слышишь? Знать я ничего не хочу! Вотъ что!..

И онъ ушелъ въ дупло, щелкая клювомъ, ероша перья и страшно сверкая круглыми глазами.

Что было дѣлать Синичкѣ? Не бросать же, на самомъ дѣлѣ, гнѣздо. Она подумала, подумала, поговорила съ Синичкой-папашей, и порѣшили они на томъ, что всетаки надо остаться здѣсь и высиживать птенцовъ.

— Что будетъ, то будетъ!—сказалъ Синичка-папаша, — а бросить, или разорить гнѣздо, — это выше нашихъ силъ.

А старый Филинъ такъ разволновался отъ всей этой непріятной исторіи, что снова захворалъ и носу изъ дупла не высовывалъ. Когда же черезъ нѣсколько дней онъ выползъ на свѣтъ Божій, первое, что онъ услышалъ—это рѣзкій, несносный пискъ птенчиковъ!

Филинъ поднялъ голову отъ удивленія и насторожился. Этого только еще не доставало! Онъ оглянулся: въ гнѣздѣ сидѣло пятеро безперыхъ птенцовъ, вытягивавшихъ изъ за края гнѣзда свои большіе головы съ желтыми ртами къ Синичкамъ, которыя наперебой одна передъ другой щедро одѣляли ихъ мухами, комарами, гусеницами, — словомъ, всѣмъ, что успѣли имъ наловить.

Увидя Филина, Синичка привѣтливо кивнула ему головой и радостно чирикнула:

— Здравствуйте, сосѣды! А у меня радость! Посмотрите-ка!..

Но Филинъ защелкалъ клювомъ, захопалъ сѣрыми крыльями и съ угрозою закричалъ:

— Вонъ, вонъ!... Вы мнѣ страшно надоѣли своимъ пискомъ... У меня голова разболѣлась!.. Или уже я не хозяинъ тутъ, что меня и слушать не хотятъ! Вонъ, или я разорю ваше гнѣздо и выброшу твоихъ крикуновъ-птенцовъ на землю!..

Тогда птичка отважно подлетѣла къ нему и въ волненіи, вся дрожа и взъерошивъ перья, рѣзко прощбетала:

— Ты, сердитый старикъ! ты конечно, можешь заклевать меня и моихъ дѣтей!.. но неужели тебѣ мало этого дуба, неужели тебѣ тѣсно отъ такихъ крошекъ, которыя не больше твоихъ глазъ?... Эхъ, старикъ, старикъ!...

И Филинъ опять запрятался въ дупло и не показывался весь тотъ день.

Вечеромъ поднялась страшная тревога въ гнѣздѣ у Синички, послышался пронзительный пискъ, такъ что Филинъ вылѣзъ посмотрѣть, что тамъ такое творится. Онъ увидѣлъ, какъ большая ворона, что-то очень подозрительно кружилась надъ гнѣздомъ, жадно посматривая на безпомощныхъ птенцовъ, лежавшихъ въ немъ, и не обращая вниманія на метавшуюся надъ гнѣздомъ мать-Синичку. А она металась въ смятеніи и рѣзко, вызывающее чирикала:

О, нѣтъ, малютокъ, пожалѣй,

Сперва меня убей...

Кюивить... вить... вить!..

Филинъ гнѣвно щелкнулъ клювомъ, заухалъ и крикнулъ:

— Гей! Гей!... Берегись, ворона!... Я тебѣ уже задамъ!... Посмѣй только у меня тронуть ихъ!...

И Ворона улетѣла, одного этого оклика съ нея было совершенно достаточно; а Филинъ, нахмурился, запрятался въ дупло и, собираясь на охоту, долго-долго гнѣвно щелкалъ клювомъ и все ворчалъ что-то, не умолкая.